

Говард Филлипс Лавкрафт

Улица

(The Street)

Иные полагают, что все предметы и места вокруг нас наделены душой, иные утверждают обратное; я же оставлю свое мнение при себе и просто расскажу вам историю одной Улицы.

Эту Улицу строили и обживали люди сильные, честные и верные своему долгу – люди одной с нами крови, герои-первопроходцы, прибывшие сюда с благословенных островов по ту сторону моря. Сперва это была всего лишь тропа, проложенная водоносами от лесного родника до небольшой группы домов у морского берега. С прибытием новых колонистов одинокий хутор превратился в поселок, растянувшийся вдоль северной стороны Улицы. Вновь прибывшие ставили крепкие дома из дубовых бревен, выкладывая из камня лишь стену со стороны леса, откуда в любой миг могла прилететь горящая индейская стрела. А еще через несколько лет дома начали появляться и на южной стороне Улицы.

Суровые мужчины в островерхих шляпах, в ту пору ходившие по Улице, всегда имели при себе мушкет или дробовик. С ними вместе были их жены в чепцах и детишки с не по возрасту серьезными лицами. По вечерам эти мужчины, женщины и дети рассаживались перед каминами, читали вслух и неторопливо беседовали. Их книги и беседы были незатейливы, а то и примитивны, но они укрепляли их дух и помогали изо дня в день упорно и терпеливо возделывать землю, отвоеванную у дикого леса. Прислушиваясь к разговорам старших, дети узнавали о делах и обычаях предков, о милой старой Англии, которую они никогда не видели или же совсем не помнили, покинув ее еще младенцами.

Потом была война с индейцами, а по ее завершении краснокожие больше не тревожили Улицу набегами. Люди усердно трудились, наживали добро и наслаждались счастьем в том бесхитростном виде, в каком оно им представлялось. Их дети росли в довольстве, а из-за моря, с далекой родины, приплывали все новые семьи, чтобы поселиться на Улице. И уже дети детей первых колонистов росли вместе с детьми вновь прибывших. Поселок превратился в настоящий город, и наспех срубленные бревенчатые дома понемногу уступили место красивым кирпичным особнякам с каменными ступенями парадных, коваными перилами и наддверными витражами. В то же время это были добротные и прочные здания, призванные служить многим поколениям жильцов. Внутри они также были отделаны со вкусом: резные каминные, витые лестницы, изящная и удобная мебель, а также фарфор и столовое серебро, привезенные из-за моря.

Улица благосклонно внимала чаяниям молодых поколений ее обитателей и радовалась их очевидному культурному прогрессу. Там, где раньше всем заправляли только сила и вера, теперь нашлось место искусству и просвещению. В домах

завучала музыка, появились картины и книги, а жаждущие знаний юноши потянулись в университет, выросший на равнине к северу от города. На смену островерхим шляпам и мушкетам пришли треуголки, шпаги, кружева и пудренные парики, а по булыжной мостовой, вдоль выложенных кирпичом тротуаров с рядами коновязей, зацокали копыта породистых скакунов и загрохотали колеса позолоченных карет.

Вдоль Улицы росли деревья: роскошные вязы, дубы и клены, – так что летней порой ее украшала нежная зелень и заполнял щебет птиц. В садах за домами цвели розы; садовые дорожки и аккуратные лужайки с солнечными часами были обсажены живыми изгородями, а по ночам лунный свет чарующе искрился в каплях росы на цветочных бутонах.

Так Улица и жила в мечтательной полудреме, обходимая стороной войнами, природными катаклизмами и прочими потрясениями. Правда, однажды большинство молодых людей с Улицы ушло воевать, и не все из них вернулись обратно. Это случилось в ту пору, когда со всех здешних флагштоков исчез старый привычный флаг, а его место занял другой, со звездами и полосами. И хотя люди говорили о каких-то великих переменах, Улица ничего подобного не замечала: ее обитатели остались прежними и обсуждали знакомые вещи на все том же знакомом языке. И деревья по-прежнему дарили кров певчим птицам, и луна по ночам все так же заглядывала в сады с цветущими розовыми кустами.

Время шло, и с Улицы исчезли шпаги, треуголки и парики. Как непривычно смотрелись на первых порах все эти тросточки, высокие шляпы и стриженные головы! А издали ветер приносил незнакомые звуки: ритмичное пыхтение вперемежку с пронзительными гудками, – причем если сначала эти звуки долетали только со стороны реки, примерно в миле от Улицы, то спустя годы пыхтение и гудки раздавались чуть ли не отовсюду. Воздух был уже не столь чистым, как прежде, но сам дух этого места остался неизменным. Жители Улицы были прямыми потомками основавших ее первопоселенцев – та же кровь текла в их жилах, те же энергия и предприимчивость отличали их начинания. Дух места не изменился и после того, как люди прорыли под Улицей туннели и провели по ним какие-то трубы, а вдоль тротуаров расставили столбы, зачем-то соединив их проводами. Несмотря на все эти новшества, связь с прошлым не обрывалась: оно пустило здесь очень глубокие корни и не могло быть так просто забыто.

Но потом наступили черные дни, когда те, кто помнил старую Улицу, перестали ее узнавать, а многие другие, только что ее узнавшие, не имели понятия о ее прошлом. Новые пришельцы были совсем не под стать прежним жителям: они говорили с резким акцентом, а их лица и в целом внешний вид производили неприятное впечатление. Да и сам образ их мыслей противоречил мудрому и справедливому духу старой Улицы, и она начала тихо угасать – дома ее ветшали, деревья засыхали одно за другим, а место розовых кустов в садиках заняли сорняки и кучи мусора. Впрочем, однажды былая гордость шевельнулась, и произошло это в тот день, когда по Улице вновь прошли маршем молодые люди в синей униформе, отправлявшиеся туда, откуда не всем из них было суждено вернуться.

В последующие годы становилось только хуже. Улица лишилась всех своих деревьев, а остатки розариев исчезли под натиском дешевых уродливых зданий, протянувших сюда свои пристройки с параллельных улиц. Но старинные особняки еще стояли, невзирая на все пертурбации, ибо предки строили их на века. Лица нового типа появились в этих местах: смуглые злые лица с воровато бегающими глазами, обладатели которых несли какую-то тарабарщину и прикрепляли к фасадам старых домов вывески с непонятными словами, где лишь буквы – да и то не всегда – были знакомы Улице. На тротуарах стало не протолкнуться из-за обилия ручных тележек, и над всем этим безобразием постоянно висела кисло-затхлая вонь, так что древний дух места погрузился в летаргический сон.

Затем настали дни волнений и тревог. За морями бушевала война, а в большой далекой стране вспыхнула революция – пала династия, и ее бывшие подданные хлынули на Дальний Запад, неся с собой заразу духовного разложения. Многие из них селились в старых обветшалых домах на Улице, еще помнивших птичий щебет и аромат роз. Между тем наконец пробудился и Дальний Запад, придя на помощь старой родине предков в ее титанической борьбе за спасение цивилизации. Над городами снова взметнулся старый флаг, на сей раз вместе с новым, звездно-полосатым, и еще одним – простым, но благородным триколором. Однако на Улице флаги мелькали редко, ибо здесь царили страх, ненависть и невежество. Снова по ней прошагали маршем молодые парни, но они уже мало напоминали волонтеров былых времен. Что-то существенное было утрачено. Прямые потомки тех самых парней, что уходили на прошлые войны, и теперь не преминули исполнить свой долг; однако они, на сей раз облаченные в хаки, отбывали из других мест, далеких от Улицы с ее угасшим древним духом.

Наконец из-за морей пришла весть о великой победе, и солдаты с триумфом возвратились домой. Ветераны, вернувшиеся на Улицу, обрели на войне то существенное, чего им не доставало перед уходом; однако страх, ненависть и невежество по-прежнему довлели над этим местом, поскольку многие чужаки переждали войну здесь и еще многие продолжали прибывать, вселяясь в старые особняки. А молодые люди, пришедшие с войны, не задержались здесь надолго и уехали в другие места. Среди новоселов преобладали угрюмые чернявые типы, хотя попадались и люди, с виду напоминавшие тех, кто некогда строил Улицу и формировал ее дух. Однако это сходство было только внешним, ибо глаза их светились мрачным нездоровым огнем – огнем алчности, мести и неудовлетворенных амбиций. Измена и мятеж – вот чем были отравлены души этих озлобленных иноземцев, вознамерившихся одним смертельным ударом сокрушить Дальний Запад и по его руинам взобраться на вершину власти. То есть они собирались действовать точно так же, как поступила банда кровавых фанатиков в той злосчастной холодной стране, откуда они были родом. И центром этого заговора стала Улица, дома которой теперь кишели чужеземными творцами смуты, произносившими яростные речи и с нетерпением ждавшими назначенного дня крови, огня и бесчинств.

Слуги закона знали о подозрительных сборищах на Улице, но мало что могли доказать. Напрасно люди в штатском с полицейскими значками за лацканом просиживали ночи напролет в таких сомнительных заведениях, как «Булочная

Петровича», «Школа современной экономики Рифкина», «Клуб социального общения» и кафе «Свобода». Там собиралось много людей самого зловещего вида, но общались они посредством лишь им понятных намеков либо на своем родном языке. И среди этого нараставшего хаоса лишь старые дома продолжали стоять, храня память о безвозвратно ушедших благородных веках, о мужественных первопроходцах и о росе на бутонах роз, сверкающей в лунном свете. Иногда какой-нибудь поэт или путешественник задерживался перед этими домами в попытке представить себе картины славного прошлого, но таких путешественников и поэтов можно было сосчитать по пальцам.

Согласно распространявшимся слухам, в старых особняках свили гнездо главари разветвленной террористической сети, и они в условленный час должны были дать старт кровавой оргии, призванной уничтожить Америку с ее старыми добрыми традициями, которые так любила и долго лелеяла Улица. Листовки и прокламации облепили грязные стены домов, на разных языках призывая к одному и тому же – к восстанию и резне. Письмена эти недвусмысленно подстрекали людей отвергнуть законы и правила, по которым жили наши отцы, и растоптать самую душу старой Америки, основанную на полутора тысячах лет англосаксонских традиций свободы, справедливости и терпимости. И еще ходили слухи, что мозговым центром чудовищного заговора были коварные иноземцы, обосновавшиеся именно здесь, на Улице, в ее дряхлых особняках, и что по их команде миллионы оболваненных, озверелых нелюдей готовы были выплеснуться из трущоб тысяч городов, убивая, сжигая и разрушая все подряд, пока земля наших отцов не обратится в мертвое пепелище. Обо всем этом много говорилось, и многие со страхом ожидали четвертого июля – дня, особо упомянутого в прокламациях, однако власти по-прежнему не имели доказательств и не могли предъявить обвинение подозреваемым. Никто не мог сказать наверняка, где, когда и кого нужно арестовать, чтобы отсечь голову у этого заговора, повсюду протянувшего свои щупальца. Неоднократно отряды полиции совершали налеты и обыскивали старые особняки, но всякий раз эти операции завершались ничем, и в конце концов полицейские сами устали от закона и порядка, который они должны были поддерживать, и ушли с улиц города, бросив его на произвол судьбы. Вместо них появились мужчины в хаки с ружьями в руках, и стало казаться, что скованная оцепенением Улица видит сон из своего далекого прошлого, когда мужчины в островерхих шляпах, держа наготове мушкеты, проходили здесь по тропе от лесного родника до хутора у морского берега. При этом ничего не было сделано, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу, ибо главари заговора были опытными конспираторами.

Тяжкий сон Улицы продолжался вплоть до роковой ночи, когда все сомнительные заведения в округе – «Булочная Петровича», «Школа современной экономики Рифкина», «Клуб социального общения», кафе «Свобода» и другие – наполнились людьми, чьи глаза горели в предвкушении ужасного, сокрушающего триумфа. Секретный телеграф передавал во все концы странные сообщения, понятные лишь посвященным; оставались считанные часы до отправки главного закодированного сигнала, – но об этом власти узнали только задним числом, когда Дальний Запад был уже спасен от гибели. Патрульные в хаки бездействовали, не понимая, что происходит, и не получая четких приказов, – хитроумные главари заговора все рассчитали и предусмотрели.

И тем не менее мужчины в хаки навсегда запомнят эту ночь и будут рассказывать о ней своим внукам. Многие из них уже перед рассветом были срочно направлены на Улицу с заданием, которого они никак не ожидали получить. Ни для кого не являлось тайной, что логовом анархии являются старые, ветхие, изъеденные червями дома на этой Улице, в любой момент могущие развалиться; однако то, что произошло ночью, мало походило на случайность, странным образом напоминая единое согласованное действие. Это было нечто невероятное и в то же время вполне естественное и объяснимое: вскоре после полуночи, без каких-либо предупреждающих об опасности скрипов и тресков, все здания на Улице – как будто разом утратив желание долее противиться натиску времени, непогоды и тлена – содрогнулись и рухнули в один момент, так что после катаклизма остались стоять лишь две печные трубы да часть массивной кирпичной стены. Из числа находившихся в тот момент внутри зданий не выжил ни один человек.

Некий поэт и некий путешественник, которые оказались в толпе зевак, вскоре прибывших к месту происшествия, рассказывают весьма странные вещи. Поэт утверждает, что, озирая руины в неясном свете множества фар и прожекторов, он внезапно различил как бы повисший над ними иной, призрачный пейзаж: ухоженную Улицу с целыми и невредимыми особняками, роскошными вязами, дубами и кленами, листва которых отблескивала в лунном свете. А путешественник заявляет, что вместо жуткого зловония, давно уже свойственного этим трущобам, он внезапно уловил нежный аромат цветущих роз. Впрочем, стоит ли принимать всерьез фантазии поэтов и рассказы путешественников?

Иные полагают, что все предметы и места вокруг нас наделены душой, иные утверждают обратное; я же, оставаясь при своем мнении, просто рассказал вам историю одной Улицы.

*Перевод: Василий Дорогокупля
2010 год*